

Ц.Ц. Чойропов

**О социальной конкретизации
системы общественных отношений**

УДК 316

Статья посвящена анализу существующих в научной литературе типологизаций и классификаций общественных отношений. Обосновано положение о том, что всем разновидностям общественных отношений имманентно общее родовое содержание – социальное, которое, будучи их глубинной сущностью, специфически в них существует.

Ключевые слова: общественные отношения, система детерминации общественных отношений, социальные отношения как сущностно-интегральный фактор конкретизации общественных отношений.

Ts.Ts. Choyropov

Social specification of the system of public relations

This article deals with the analysis of typology and classification of public relations in different scientific literature. The author has substantiated the position that all varieties of social relations inherent in a common generic content – social, which specifically they exist.

Keywords: public relations, the system of determination of public relations, social relations as essentially-integral factor specificity of public relations.

Теоретикам структурно-функционального анализа потребовалось уложить в определенную систему общественные отношения. Многообразие типологизаций и классификаций общественных отношений свидетельствует об относительной их условности, потому что реаль-

ные общественные процессы есть взаимодействие различных типов отношений, и в каждый конкретный момент характер взаимодействия определяется совокупностью обстоятельств, составляющих законы общественного функционирования.

Нет в «чистом» виде экономических, политических, правовых, моральных, идеологических и т.п. отношений; они суть социально-экономические, социально-правовые и т.д. Это значит, что всем названным разновидностям общественных отношений имманентно общее (родовое) качественное содержание – социальное, которое, будучи их глубинно-сокровенной сущностью, специфически в них существует. Вместе с тем собственно социальные отношения не есть некая «сумма» или простая совокупность иных общественных отношений, а имеют качественную определенность, концентрированно воплощая их наиболее конкретную сущность в универсальной целостности – единстве многообразия. Все иные виды общественных отношений – многообразные и необходимые «моменты» этой универсальной сущности, этого единства. Хотя и эти «моменты» не равнозначны.

Каково же место собственно социальных отношений в общей системе детерминации? Строго говоря, диалектико-материалистическая детерминация заключена не в «ряде» так называемых однопорядковых (рядоположенных) «сфер», расположенных по схеме: «экономическое – социальное – политическое – духовно-идеологическое». Такая схема сама по себе фиксирует главным образом дифференцированность, «автономность» (рядоположенность) компонентов системы, в лучшем случае их соотношение и взаимодействие, но не соподчинение и причинно-следственные связи. Она еще не выражает то общее (родовое), что присуще всем без исключения разновидностям «ряда». То же самое можно сказать и о «ряде» разнообразных видов деятельности, их субъектов. Система детерминации должна быть конкретизирована, т.е. представлена в более качественном виде. Частично это достигается путем акцентирования в ней социального содержания, присущего всем сферам общественной жизни. В таком виде она приобретает следующий вид: «социально-экономическая сфера – социально-политическая сфера – социально-культурная сфера» и т.п. Однако и в таком виде она еще не вполне конкретна.

Дальнейшая конкретизация системы детерминации как раз и со-

стоит в обнаружении сущностно-интегрального фактора, каковым и являются именно социальные отношения. Иначе говоря, многообразные сферы общественной жизни конкретизируются, обретают качественную определенность в социальных отношениях, как типовых, универсальных, наиболее определенных.

Социальная конкретизация общественных отношений объективно обусловлена, с одной стороны, их эмпирически неисчерпаемым многообразием (особенностями, разновидностями и т.п.), а с другой, – качественным единством (общностью, типичностью и т.п.). Ведь многообразное вне единого, особенное вне типового, явления вне сущности, количественное вне качественного, дифференцированное вне интегрированного, функциональное вне субстанционального и т.д. – односторонни, т.е. абстрактны и недействительны. Именно поэтому многообразные общественные отношения существуют и воспроизводятся как единство многообразия (но не абстрактное «множество»). Они интегрированы и концентрированно воплощены в сущностном конкретно-всеобщем (но не «абстрактно-всеобщем»), в универсальном социальном качестве. Таким образом, общественные отношения объективно конкретизируются именно в социальных отношениях, как наиболее качественных, сущностных, универсальных. В таком понимании система социальной конкретизации и детерминации приобретает следующий общий вид: «типовые социальные отношения (универсальная сущность) – видовые общественные отношения (многообразные способы бытия этой сущности)».

Объективная диалектика единства и многообразия, общего и особенного, типового и видового, сущности и явления, универсальной сущности и многообразных способов ее бытия – порождает сложную научную проблему: проблему адекватного отражения этой объективной диалектики в научном мышлении, в достижении единства фундаментального и прикладного исследования. Именно такой путь познания, думается, позволяет воплотить («приложить») результаты фундаментальной теории в прикладных исследованиях, а тем самым – в социальной практике. И наоборот, восприятие многообразных общественных отношений вне социальной конкретизации может дать лишь их абстракции...

Из сказанного следует сделать вывод о том, что задача фундаментальной теории заключается в исследовании социальных отноше-

ний как типовых, а прикладные функции этой теории состоят в выявлении социального содержания различных видов общественных отношений.

Далее поставим вопрос о роли социальных отношений в системе способа общественного производства и воспроизводства. Вот общая схема детерминации: «конкретно-исторический способ материального производства – соответствующий способ духовного производства». В этой системе акцентирована детерминация опять же не «рядоположенных сфер» (материальной и духовной), как таковых, а соотношение способов материального и духовного производства.

В образном виде такую детерминацию можно передать точнее не широко известным изречением «фундамент – этажи здания» (надстройка), но формулой: «глубинный источник – его фонтаны» или «корневое древо – его крона». Здесь образно фиксируется не функциональная автономность «сторон», а диалектика единого процесса в его многообразии, в его сущностной нерасчлененности и причинно-следственной связи. Но и самому способу материального производства внутренне присуща детерминация. Речь идет о социальной конкретизации и детерминации производительных сил и производственных отношений. Осмелимся предложить для обсуждения такой тезис. Наиболее глубокая и качественно конкретная взаимосвязь производительных сил общества и производственных отношений по своей сути социальна. Их же технико-технологическая и материально-вещественная взаимосвязь есть превращенная форма, опосредованный (овеществленный) способ осуществления социального взаимодействия.

Обратимся к производительным силам общества. Какой фактор (или совокупность) в их многообразной системе есть наиболее качественный, субстанциональный, сущностный, действенный, детерминирующий?.. Ничуть не умаляя роль собственно технических, технологических и т.п. средств, можно без преувеличения сказать, что таким фактором является и все насущнее становится именно человеческий, в конечном итоге – гуманитарный аспект социальных отношений. Любая иная альтернатива чревата дегуманизацией производительных сил, механизма и результатов их действия.

Разумеется, вещественные и технические элементы производительных сил, особенно средства и технология производства социаль-

ны как по своей природе (они созданы ассоциированным человеком), так и по функционированию (они приводятся в действие человеком же), и в развитии своем (воспроизводятся опять же человеком), и по назначению, конечным целям (они призваны служить тому же человеку, человечеству). Словом, именно в таком (социальном) качестве они существенны, значимы постольку, поскольку аккумулируют и реализуют человеческое содержание производительных сил общества, являются необходимым средством воспроизводства их социальной сущности. Сама по себе техника (вещественные элементы производительных сил) вне социальной детерминации, без целесообразного использования или выходящая из-под надежного контроля человека и общества, – пассивна, «мертва», либо... агрессивна, разрушительна. Причем, не только военная, но и «гражданская». Более того, антисоциальные последствия имеют не только непосредственные агрессивно-разрушительные действия техники (действия как бесконтрольные, так и результат «дурного» руководства людей), но и пассивный, «мертвый технический вал». Примеров того и другого рода более чем достаточно, примеров явных и скрытых, состоявшихся и потенциальных. Наносимый негативными действиями техники ущерб природным, а тем более социальным ценностям, как правило, вовсе невозможно восполнить техническими средствами. Сами по себе вещественно-технические компоненты производительных сил и вещные отношения лишь на первый взгляд кажутся причиной. В действительности же они являются следствием человеческой (социальной) производительной силы общества и социальных отношений. Но они, в свою очередь, суть необходимые средства функционирования и развития социальной производительной силы общества, специфические способы ее существования и осуществления. Суть проблемы заключается в научном познании объективного конкретно-исторического соотношения между социальной сущностью производительной силы общества и технико-технологическими средствами ее реализации, а также в практическом обеспечении необходимого соответствия между ними.

Теперь о производственных отношениях. Их определяющая роль в системе других отношений бесспорна. Однако и они сами социально конкретизированы, детерминированы. Уже сама по себе структурно-функциональная дифференцированность производственных отношений свидетельствует об объективном существовании такого уни-

версального фактора, который интегрирует и концентрированно воплощает все то общее, что имманентно дифференцированному многообразию. Таким фактором является опять же социальный: социально-производственные отношения.

Стало быть, система детерминации еще более конкретизируется: «социальные отношения в материальном производстве (сущность производственных отношений) – многообразные общественные отношения в материальном производстве (способы бытия социальной сущности)». Или, говоря иными словами: «Социальная сущность производственных отношений (социальные отношения) – способы осуществления социальной сущности (многообразные виды общественных отношений в производстве)».

Социальные механизмы производства на практике, как правило, недооценивались, а в теории остаются неразработанными. Социальное положение и интересы носителей производственных отношений, субъектов собственности необходимо в достаточной мере учитывать особенно сегодня, в условиях радикальных преобразований в обществе. Недооценка социальных ролей непосредственных производителей влечет за собой сведение производства, как уже указывалось, лишь к производству вещей вместо понимания его базы как производства и воспроизводства социального положения производителей.

Социальное положение человека в коллективе и обществе в целом необходимо рассматривать как основу формирования всех других потребностей, интересов, ценностных ориентиров (в том числе отношения к собственности на средства и результаты производства, отношение к самому производству, распределению, духовным ценностям). В современных условиях обновления общества и производства следует обращать первостепенное внимание на изменение социальных ролей непосредственных производителей, когда они превращаются из наемных работников в заинтересованных и инициативных собственников, хозяев производства, активно включаются в управление производством и коллективом.

Труд – это не деятельность изолированного, независимого человека, а труд общественный. Натуралистический подход к характеристике собственности и труда (в том числе в современной экономической реформе) влечет за собой вульгаризацию представлений о рыночной экономике, сведение производства лишь к производству ве-

щей абстрактным внеобщественным человеком, индивидом типа «Робинзона» на необитаемом острове. В результате этого имеет место недооценка роли механизма общественной связи («всеобщей связи») между производителями. Труд – это не только воздействие отдельного человека на предмет труда, но и отношения между производителями, влияние «человек – человек» в социальном плане. Поэтому не следует сужать понятие труда: вместо понимания труда как общественного производства, как общественного труда под ним подразумевать только деятельность по схеме «работник – орудия труда – предмет труда». Натуралистический, технократический подход рассматривает производителя, работника только как элемента простого процесса труда, без учета его социальной роли, социального положения в производстве и обществе. Работники в таком случае обычно понимаются как лица, воздействующие на предметы труда с помощью орудий производства и создающие тем самым материальные блага.

В данной ситуации уместно вновь обратиться к работам К. Маркса. Он не раз предостерегал от понимания производства как производства лишь вещей (продукта, богатства, благ), ибо этим мало что можно объяснить в развитии общества. В «Капитале» дается более глубокое понимание производства. По Марксу, не только материальные условия производства выступают его результатом, но и специфически общественный характер производства; производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом этого процесса общественные отношения, а следовательно, и общественное (социальное) положение производителей по отношению друг другу [4, с. 119]. Последние являются более важным результатом процесса производства, чем его материальный результат. Обращаясь к материальному производству как решающему фактору развития общества, К. Маркс не только считал производство вещей определяющим, но и рассматривал производство как производство общественных отношений. Для Маркса производство есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических отношениях процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса (людей), т.е. материальных условий их существования и взаимных их отношений.

В современной научной и публицистической литературе, в новых

законах по экономической реформе, к сожалению, недостаточно уделяется внимания анализу механизмов общественной связи между индивидами как производителями, предприятиями и их трудовыми коллективами в качестве «субъектов» общественного производства. Переход к рыночной экономике предлагается без учета механизмов общественной связи (социальных механизмов), лежащих в ее основе. Менее всего фиксируется внимание на способах изменения социальной роли непосредственного производителя в сторону развития его как собственника и владельца производства. Актуальный вопрос о превращении наемного работника в заинтересованного хозяина и собственника опять-таки часто трактуется как владение средствами производства и как присвоение материально-вещественных факторов (величина оплаты, сумма акций и дивидендов и т.д.). Безусловно, данные факторы имеют большое значение в понимании собственности.

Но собственность – это не только вещь (имущество, богатство, блага), которой владеет человек, но и отношение последнего к ней и объективно существующие социальные отношения между людьми по поводу этой собственности в самом процессе производства. Соответственно этому и само производство рассматривается двояко: с одной стороны, как производство материальных благ, с другой – как процесс, служащий производству и воспроизводству исторически специфических социальных ролей участников производственного процесса по отношению друг другу, а шире – утверждению социального положения индивидов в производстве и обществе. Стало быть, анализ собственности должен быть направлен на выяснение того, что представляет собой тот способ, который обеспечивает постоянно воспроизводимое социальное положение индивида в коллективе и обществе в целом. Таким образом, собственность производится и воспроизводится двумя способами: посредством технико-технологического преобразования производственного процесса и посредством социального механизма производства и труда. Важно при этом рассмотреть, насколько структура, формы дифференциации и интеграции производства и труда закрепляют и воспроизводят социальное положение участников производственного процесса в качестве субъектов собственности и хозяев производства.

Собственность и производственные отношения вообще первона-

чально означают отношение производящего и воспроизводящего себя субъекта к условиям своего производства и воспроизводства как к своим собственным. Иначе говоря, производственные и общественные отношения прозрачно выражают связи и отношения людей по поводу своего собственного воспроизводства. Не случайно у авторов классической древности нет оценки собственности с точки зрения ее содействия росту вещественного богатства. Оно для них не составляло цели производства. Для них было важно проследить, как форма собственности обеспечивала обществу и государству формирование наилучших граждан. «Поэтому древнее воззрение, – писал К. Маркс, – согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства» [3, с. 476].

Известный философ Э.В. Ильенков подчеркивал, что вопрос о собственности – это вопрос о той форме, в рамках которой происходит процесс накопления и развития главного богатства общества – деятельных способностей людей, процесс развития творческой (производительной) силы живого человека. «"Собственность", – писал он, – это не "вещь", не сумма вещей, находящаяся в юридически узаконенном владении, а прежде всего сама форма деятельности, самый процесс присвоения, лишь выражающийся в "вещах", в предметно-фиксированных "продуктах"» [1]. Далее он продолжал: «Объективно неустранимая тенденция движения форм собственности – восстановление полноты индивидуального развития, в то время как столь же неустранимой тенденцией движения «всеобщей частной собственности» остается обратная перспектива – отнятие у индивида одной за другой его деятельных функций в пользу анонимной "тотальности", вне индивида находящихся социальных институтов и учреждений» [1, с. 167].

Социальная позиция человека должна иметь свою опору в отношениях собственности. Ибо нет иных социальных отношений, кроме отношений собственности, которые обеспечивали бы должную меру устойчивости, надежности, определенности в сфере материального производства – первичной основе всей жизни людей. Субъектами собственности являются не просто «лица», а граждане, наделенные

твердой и «собственной» основой своего гражданского бытия (конечно, в различных ее разновидностях и формах участия в отношениях собственности).

Таким образом, производство превращается в непосредственное производство самого человека. Социальной целью производства выступает воспроизводство человека в его определенных отношениях в коллективе, т.е. воспроизводство образующих коллектив (свободную ассоциацию производителей) индивидов.

Между тем некоторые представители «радикальной» экономической мысли считают, что рассмотрение социальных проблем, социальных отношений в экономических преобразованиях – это «общие» и ненужные места, «неконкретный» анализ. В этом случае вопросам социального положения работников противопоставляется исследование материальных, вещественных потоков производства, распределения материальных и трудовых ресурсов, регулирования цен, заработной платы, финансов, кредита, прибыли и т.п. как таковых. Главенство отдается овеществленному богатству, а не его распредмечиванию в человеке. При таком подходе экономика воспринимается как замкнутая сфера развития, которой подчинено достижение своих особых, «чисто» экономических целей и задач. Так было и раньше, в годы застоя. Общество в данный период ориентировалось в основном на технико-экономические цели. Главным было нарастить материально-ресурсный потенциал. При подобной «конкретности» (которая по существу является формой движения фетишистского сознания) действительный предмет исследования – социальное положение носителей производственных отношений, которое скрывается за иррациональными формами, – остается вне поля зрения.

Материально-вещественные факторы производства могут быть поняты и использованы лишь через их анализ в качестве превращенных форм специфического социального содержания отношений людей в производстве и обществе. Диалектика экономической и социальной сфер выражается в формулах: человек выступает как цель производства, производство развивается для обеспечения благосостояния и развития человека. Социальные цели в этом случае должны иметь назначение ориентира научно-технической и экономической деятельности. Реализация приоритета социальных целей экономического развития неразрывно связана с превращением самого человека в

конечный результат производства и воспроизводства. Для этого потребуется коренное изменение социально-экономического положения труженика в коллективе: его благосостояние и условия развития, соответствующие затраты на его воспроизводство как работника и личности должны рассматриваться не просто как издержки производства той или иной продукции, а наоборот, само производство и его продукт должны служить средствами лучшего удовлетворения потребностей развития работника.

Для того чтобы решить социальные проблемы, стоящие как перед обществом, так и перед отдельным трудовым коллективом, нужны ресурсы, которые создаются в экономической сфере. С другой стороны, удовлетворение потребностей людей служит главной, определяющей целью развития общественного производства. От того, насколько экономика будет сориентирована на обеспечение нужд и запросов людей, зависит воспроизводство социального положения человека в качестве субъекта всех видов общественных отношений.

Обусловленность тесной связи экономического и социального развития объясняется и тем, что в качестве источника функционирования экономики выступает трудовая деятельность, которая одновременно является формой самоутверждения человека. Она находит свое непосредственное выражение в высокопроизводительном труде, открывающем возможности широкого применения творческих способностей личности.

Исследование процессов диалектики взаимодействия экономической и социальной сфер показывает, что в инвестиционной политике государства, региона, трудового коллектива очень важно правильно рассчитать и не пренебрегать социальными вопросами. Экономия на социальной сфере чревата потерями в решении собственно экономических задач. Уже не раз отмечалось, что если долгое время не уделяется достаточного внимания социальной стороне производства и всей социальной сфере общества, то это не может не отразиться на уровне трудовой и общественной активности людей. В то же время это совершенно не означает, что чем больше будет вложено средств в социальную сферу, тем лучше. Залогом действенности социальной политики является все же ее экономическая обеспеченность. Чрезмерная перекачка средств на решение социальных проблем при их ограниченности на том или ином этапе развития общества может привести к

таким отрицательным последствиям, как нехватка ресурсов на научно-технический прогресс, производственное инвестирование и т.д. Это в конечном счете замедлит рост экономики, а вслед за ней и социальной сферы.

Не являются ли рычаги ускорения научно-технического прогресса более действенными, чем рычаги, гармонизирующие с социальными требованиями? Существует ли вообще противоречие между экономической и социальной эффективностью, если да, то способно ли наше общество разрешить противоречие: «экономическая эффективность – социальная справедливость»? Способно ли общество обеспечить экономическую эффективность без утраты социальных завоеваний? Такие и подобные вопросы все чаще ставятся в нашей научной и публицистической литературе. Вопросы не праздные.

Разрешение данного противоречия, как нам представляется, требует нахождения в каждый данный момент оптимального соотношения между экономическим и социальным развитием. Проблема состоит в том, чтобы новая (социально ориентированная) система хозяйствования выступала противовесом технократическим поползновениям в экономике. Она должна предполагать безусловную приоритетность требований социальной справедливости, духовного развития общества, сохранения природы перед критериями экономической эффективности. Культ затратного материального производства должен замениться требованием социального и экологического благополучия человека, его физического и духовного здоровья. Одним словом, новая модель экономического роста предполагает гуманизацию общества (прежде всего удовлетворения требований свободного развития личности в жизни современного социума). Принципиальное значение здесь имеет формирование социально ориентированного хозяйственного механизма, который включал бы в себя комплекс новых мотивов и стимулов, побуждающих к раскрытию и использованию творческих потенций человека. Только в этом случае социальное развитие может стать мощным фактором развития экономического, и наоборот.

Таким образом, новый современный подход (в отличие от технократического) ориентирует на структуру и развитие социального «механизма» собственности, обязывает разрабатывать конкретные способы изменения социального положения людей как ведущего критерия. Или, скажем, методология социологической науки (в противо-

положность технократическим направлениям некоторых современных экономических теорий и реформ правительства) предполагает при анализе способов производства иную логику: социальная сущность отношений – это движущая сила производства и способов его функционирования.

Далее. В ходе радикального преобразования отношений собственности особое внимание должно уделяться выявлению социальных результатов внедряемых новых форм организации экономической жизни. Ведь социальные отношения непосредственно основываются на экономических отношениях, и проведение экономических преобразований с неизбежностью ставит вопрос о путях социальных преобразований, т.е. о преобразованиях социальной формы организации общества.

Какие же процессы происходят в социальной сфере общества в условиях радикального преобразования отношений собственности?

В первую очередь следует отметить, что усиление многообразия форм реализации собственности привело к возникновению новых социальных образований в социальной структуре общества. Появление и быстрый рост новых социальных субъектов свидетельствуют о том, что сложившаяся, а сегодня можно сказать архаичная, социальная структура общества претерпела существенные изменения, приобретая больший динамизм, связанный с переходом к ее усложнению. Если ранее в упрощении социальной структуры усматривался существенный признак достижения большей социальной однородности, то сегодня данный вывод представляется явным анахронизмом. Известно, что развитие идет по законам усложнения и многообразия, несовместимым с законами упрощения и унификации. Последние свойственны как раз административной системе, не отвечающей никак задачам социального прогресса.

Вместе с тем вывод о расширении многообразия и усложнении всего спектра общественных отношений, что в равной степени относится и к социальной структуре общества, происходящих под воздействием преобразований отношений собственности, не единственный ее социальный результат. За данными процессами стоит более крупная и сложная социальная проблема – изменение характера дифференциации в социально-экономическом положении социальных групп, коллективов и отдельных индивидов. Дело в том, что появле-

ние новых форм собственности, усиление зависимости доходов коллективов и работников от конечных результатов труда и от дивидендов из прибыли в условиях превращения и закрепления непосредственных производителей в собственников, хозяев производства с неизбежностью привели к увеличению диапазона дифференциации в уровне благосостояния между ними. Оправдан ли его рост?

Поставленный вопрос относится к числу ключевых. Учитывая существующую дифференциацию уровня и образа жизни, необходимо ответить на вопрос: движется ли общество к созданию достойных человека условий жизни для всех, или же в нем камуфлируются крайние формы неравенства, бедственное положение одной части общества и не всегда обоснованная роскошь – другой. Ответ очевиден. Среди многих страшных последствий, которые имеет возвращение нашего общества к свободному рынку времен Адама Смита, т.е. к частной собственности «дедовской», уже пройденной в передовых странах, наиболее горькое – это такая деформация его социальной структуры, как, с одной стороны, появление привилегированного слоя, укорененного в ключевых структурах хозяйственной системы, и материальная и духовная нищета большинства людей с огромными творческими устремлениями и потребностями, – с другой.

Результат функционирования и рынка, и демократии (с точки зрения социального положения личности) зависит не столько от самих этих институтов, сколько от господствующих в обществе социальных ценностей, от масштабов и принципов социальной политики, от ее ориентированности на реализацию социальной справедливости. К сожалению, когда речь идет о социальной справедливости, то ее истолковывают весьма упрощенно. Необходимо преодолеть неадекватные современным требованиям представления о социальной справедливости, в основном уравнительного характера. Достижение полного равенства возможно только в сфере гражданских прав и свобод, в других же сферах жизнедеятельности на естественно-исторической основе оно невозможно, ибо противоречит человеческой природе. А на искусственной основе – ведет к уравниловке и социальной усредненности, снижению стимулов и мотивов в деятельности людей. Расширение сферы социальной справедливости означает прежде всего возрастание свободы и равенства жизненных возможностей для большинства, преодоление бедности и социальной незащищенности.

Это уже не равенство в его натуральном выражении (как равенство во всем, в том числе – в имущественных отношениях, в обладании вещами и т.д.), а равенство в исходных (стартовых) возможностях, реализация которых усиливает продуктивно-творческие начала общества. Подобный тип социальной справедливости может дать обществу и стабильность политическую, и эффективность экономическую, ибо постоянно поддерживается мотивация трудовой и иной активности.

Разрешение вопроса об обоснованности социальной дифференциации различных групп населения, занятых в разных секторах экономики, требует применения не только экономических критериев, но и соответствующих социальных оценок, базирующихся на использовании и возможном уточнении критериев социальной справедливости. В обобщенном виде усиление социальной дифференциации, очевидно, оправдано, если опирается на более высокую достигнутую эффективность производства и качества продукции, большую отдачу труда. Непривычное напряжение производственной и предпринимательской активности, готовность идти на риск и страх перед возможным поражением подстегивают производителей, всех участников хозяйственной жизни. В силу разных способностей, разного участия и неодинаковой активности в труде и предпринимательской деятельности у собственников-производителей обязательно должно существовать неравенство в имущественном положении, в мере, объеме и составе обладаемого ими и их семьями имущества. Важно лишь одно: подобное неравенство непременно должно соизмеряться с мерой и эффектом труда человека. Если же увеличение доходов достигается в результате действия только спекулятивных факторов, то требуется надлежащая коррекция мерами преимущественно экономического порядка, не исключая возможности использования правовых мер для ограничения роста социальной дифференциации, обеспечения реализации принципа социальной справедливости.

Рыночная экономика немыслима без интереса к прибыли и без потребности приобретать новые товары. Если же оставить ее без всего того, что делает ее «регулируемой», социальной, интегрируемой в систему гуманных отношений, то принципы социальной справедливости, разумеется, не сработают. И вследствие этого получаем наиболее горький результат – необузданный, не связанный с законом, культурой и моралью, циничный и всепоглощающий эгоизм, стремление к

роскоши и расточительству, постоянный «беззатратный» рост материального благополучия, кастовость дельцов «непроизводящей» экономики.

Труд без воплощения в определенных предметных формах не становится способом бытия общества. Труд должен переходить из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности, т.е. должен овеществляться в продукте [2, с. 476]. Поэтому живую основу общества составляют люди с действительно позитивной трудовой ориентацией, прежде всего те, кто «включился» в отношения производительной собственности (а не спекулятивной). Это те, у кого есть интерес к производительному труду, чувство ответственности за утверждение эффективной материальной основы общества.

Новый тип социальной дифференциации, возникший вследствие перехода к рынку, воссоздал естественный процесс социального структурирования (вместо произвольного, когда все члены общества превратились в наемных работников у государства в условиях одноклассового унифицированного общества), способствовал созданию мобильной и открытой социальной структуры. Чтобы эти его позитивные качества проявились в полной мере, чтобы они не были перечеркнуты слишком глубоким неравенством, необходимы усилия политиков по разработке и осуществлению социальных программ, регулирующих доходы при помощи налогов и компенсаций и восполняющие недостаток объективно складывающихся возможностей для определенных категорий населения.

Чтобы создать справедливую систему распределения, нужно иметь что распределять, произвести соответствующие блага. Но чтобы заинтересовать работника в их производстве, надо обеспечить ему возможность выбора вида деятельности по способностям и получения за нее достойного вознаграждения, необходимо возродить веру в социальную справедливость. Усилия по воплощению этой идеи в жизнь не приведут, конечно, к формированию некоего совершенного общества, но они могут и должны открыть дорогу оптимальному решению социальных проблем на данном этапе развития.

Экономическая реформа тогда может дать положительные результаты, когда повсеместно будут созданы необходимые условия именно для социального развития человека. Отладить социальный

механизм экономического роста – вот что ныне главное, вот от чего сегодня полностью зависит подъем благосостояния людей. В первую очередь необходимо отлаживать механизм стимулирования работников и целенаправленно создавать другие социальные условия для повышения их производственной активности. С другой стороны, производственная деятельность должна быть ориентирована не только и не столько на максимизацию прибыли или достижение другого экономического эффекта, а на оптимизацию благоденствия, благосостояния и личностного развития людей. В центре социальной жизни стоит человек с его правами и личным достоинством, многообразием его интересов. Нужно, чтобы человеку, его интересам, его благополучию служили все институты и регулирующие механизмы общества и государства: собственность, производство, власть, право, мораль и др.

-
1. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
 2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1960.
 3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. М.: Изд-во политической литературы, 1968–1969.
 4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 49. М.: Политиздат, 1974.